

Николай Андреевич Белоголовый

Сергей Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность

Николай Андреевич Белоголовый Сергей Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность

Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175472

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	6
Глава I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Н. А. Белоголовый

Сергей Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность

*Биографический очерк доктора Н. А.
Белоголового*

*С портретом Боткина, гравированным в
Петербурге К. Адтом*

Предисловие

С. П. Боткин принадлежит к числу самых блестящих деятелей русской науки XIX века. Его заслуги в области русской медицины так обширны, значение их так велико, что они не могут быть вполне оценены в настоящее время, и только будущему веку, когда наше национальное самосознание станет более спокойным и более трезвым, предстоит исполнить этот долг с надлежащим беспристрастием и хладнокровием. Теперь же, когда мы находимся под слишком свежим впечатлением от его смерти, когда громадное обаяние его личности еще слишком живо продолжает воздействовать на всех близко его знавших, писать его биографию несколько преждевременно, потому что трудно сохранить необходимый для биографа бесстрастный и объективный тон. Приступая по предложению издателя «Биографической библиотеки» к составлению биографии С. П. Боткина, мы ясно понимаем трудность этой задачи и чистосердечно сознаемся, что дать полное понятие о гениальной личности Боткина мы не могли бы и не сумели; единственное наше желание, – чтобы читатель из нашего бледного очерка почерпнул хотя бы некоторое представление о необыкновенных свойствах этого человека, заключавшихся в редком сочетании выдающейся талантливости с феноменальной преданностью труду и безграничной любовью к избранной им науке не столько, пожа-

луй, в кабинетной ее разработке, сколько в прямом приложении ее к жизни, к служению человечеству. Этому служению Боткин отдал целиком не только все свои способности и всю свою жизнь, отдыхая лишь по крайней необходимости, но, как видно будет после, он, без преувеличения, «за други положил живот свой». Это был альтруист, альтруист не идейный, а непосредственный вследствие необыкновенного любящего характера своего и гуманизма самой науки, которой он был представителем, а главное, альтруист неутомимо деятельный в силу своей небывалой трудоспособности. Для молодых поколений жизнь Боткина поучительна еще и тем, что, будучи вся отдана на благо других, на облегчение чужих страданий, она служила для него самого источником полного нравственного удовлетворения и самых чистых наслаждений, так что и умирая он не переставал повторять, что нет большего счастья на земле, как этот непрерывный и самоотверженный труд на пользу ближних, а самым веским подтверждением искренности его слов может быть приведено то, что из пяти оставшихся после него сыновей трое, по его совету, избрали для себя медицинскую карьеру.

Трудность составления биографии Боткина для нас лично усугублялась еще и тем, что писать ее приходилось за границей, вдали от всяких живых и мертвых источников, столь необходимых для подробной и всесторонней характеристики описываемого лица. Вот почему настоящий очерк цельной характеристики Боткина не дает, а, скорее, знакомит с

теми биографическими данными, которые находились в нашем распоряжении и послужат хорошей канвой для будущих, более объективных биографов. А данных этих было немало, потому что меня соединяла с Боткиным более чем сорокалетняя дружба, никогда не омрачавшаяся ни недопониманиями, ни размолвками и не допускавшая никаких больших тайн между нами: мы вместе в один день поступили в пансион Эннеса, вместе перешли в университет и одновременно закончили университетский курс; после того дороги наши разошлись, потом снова сходились и снова расходились; он всю жизнь свою провел в Петербурге, я же как кочевой человек – то в Сибири, то в Петербурге, то за границей; но наша связь никогда не прерывалась и поддерживалась постоянной перепиской. По счастью, большая часть писем Боткина у меня сохранилась и они-то помогли мне при отсутствии всяких других пособий восстановить более или менее полно и точно всю жизнь его. Наконец обстоятельства сложились так, что привели меня в 1889 году в Ментону, где происходила последняя борьба этого сильного организма со смертью, – и на моих глазах он умер.

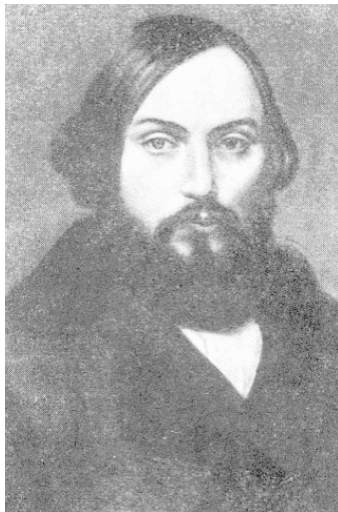

**Москва.1825 год. Вид с Воробьёвых
гор. Художник С. Кадель.**

Глава I

Сведения о семье Боткина. – Его воспитание в пансионе Эннеса в Москве. – Поступление в Московский университет и пребывание в нем. – Студенты и профессора того времени и тогдашний дух преподавания на медицинском факультете

С. П. Боткин происходил из чистокровной великорусской семьи без малейшей примеси иноземной крови и тем самым служил блестящим доказательством, что если к даровитости славянского племени присоединяются обширные и солидные познания вместе с любовью к настойчивому труду, то племя это способно породить самых передовых деятелей в области общеевропейской науки и мысли.

Василий Петрович Боткин. 30-е годы 19 века.

Михаил Петрович Боткин

Генеалогия Боткина – самая немудреная и теряется в серой крестьянской среде: прадед или дед его был крестьянином Псковской губернии, переселившимся в Москву и занявшимся торговлей. Но уже отец Боткина, Петр Кононович, был зажиточным московским купцом, имел обширные торговые дела и сумел сделаться одним из видных организаторов и представителей чайной торговли в Кяхте. Это само по себе показывает, что он был человеком деятельным и незаурядным, но еще лучшим доказательством его врожденного ума может служить то обстоятельство, что все его потомство, очень многочисленное, как сейчас увидим, отличалось более или менее недюжинными способностями. Боткин-отец был женат два раза и от обоих браков оставил после себя в живых девять сыновей и пять дочерей. Старший из сыновей – известный в литературе и в истории русского просвещения Василий Петрович Боткин – замечателен сам по себе как редкий пример самородной даровитости, потому что без такой даровитости трудно объяснить, под влиянием каких условий этот сын московского торговца чаем, предназначавшийся для торговли за прилавком, не прошедший через ту или другую высшую школу обучения, так образовал и развил себя, что, не достигнув еще и 30-летнего возраста, является одним из деятельных членов того неболь-

шого кружка передовых наших мыслителей и литераторов, к которому принадлежали Белинский, Грановский, Герцен, Станкевич, Огарев и другие, и пользуется в этой блестящей плеяде репутацией одного из лучших истолкователей Гегеля, увлекавшего в то время эти молодые, искавшие света умы. Его собственные литературные труды, и особенно «Письма об Испании», снискали ему в публике заслуженный успех и, помимо его гегельянства, создали ему большую известность как знатоку классических произведений по всем отраслям искусств и как человеку, обладавшему тонким эстетическим вкусом. Остальные братья если и не завоевали себе такой громкой известности, как Сергей и Василий, однако считались людьми умными и более или менее выделялись своим образованием и развитием над уровнем среднего столичного общества; при этом всех братьев объединяли самая искренняя дружба и замечательное единодушие, несмотря на то, что сферы деятельности их были самыми разнообразными. Вследствие этого семья Боткиных являлась в Москве ярким оазисом, в котором всякий интеллигент, заезжий или москвич, всегда чувствовал себя особенно приятно и тепло, всегда находил умную беседу и живой отклик на все вопросы современности не только русской, но и европейской, и редкий из тогдашних корифеев литературы не побывал в доме Боткиных, где, между прочим, на нижнем этаже проживал последние годы своей жизни профессор Грановский, находившийся тоже в близких отношениях с хозяевами; связь се-

мьи Боткиных с ученым и литературным миром еще более упрочилась, когда одна из дочерей Петра Кононовича вышла замуж за поэта Фета, а другая – за московского профессора Пикулина.

**Петр Кононович Боткин. 20-
е годы 19 века. Русский художник.**

Здесь-то, в этом доме на Маросейке, в Петровериговском переулке, в доме, принадлежащем ныне одному из братьев, П. П. Боткину, и повидавшем на своем веку чуть ли не всех лучших наших деятелей 30– и 40-х годов, протекли детство и юность Сергея. Родился он 5 сентября 1832 года от второго брака отца с А. И. Постниковой и был в семье по счету одиннадцатым ребенком. Петр Кононович в период детства младших детей был уже в преклонных летах, к тому же по-

степенное расширение торговых дел поглощало все его внимание, а потому все заботы о воспитании их легли на старшего сына Василия. В руках этого последнего, как человека, высоко почитавшего образование, оно неизбежно должно было стать более солидным и разносторонним, чем того требовали понятия тогдашнего московского купечества. Одним из домашних учителей Сергея был А. Ф. Мерчинский, в то время студент-математик Московского университета, а теперь 70-летний старец, доживающий свой век в окрестностях Дрездена, человек очень умный и живой, к которому Боткин до самой смерти питал теплую и искреннюю дружбу. Уже в этом раннем возрасте С. П. Боткин обнаружил прекрасные способности и большую любовь к учению, и Василию Петровичу удалось уговорить отца отдать его полупансионером в находившийся тут же поблизости от дома частный пансион Эннеса, куда он и поступил в августе 1847 года.

Анна Ивановна Боткина. К.
А. Горбунов. Акварель. 1834.

Пансион этот считался тогда лучшим в Москве и вполне оправдывал свою репутацию прекрасной постановкой преподавания, чего Эннес достигал умелой вербовкой учителей среди молодых кандидатов, только что кончивших курс в Московском университете. Достаточно сказать, что во время пребывания Боткина в пансионе преподавателями в нем были такие талантливые учителя, как известный собиратель древнерусских преданий и народных сказок А. Н. Афанасьев, дававший уроки русского языка и русской истории, не менее известный впоследствии профессор политической экономии И. К. Бабст, занимавшийся в пансионе уроками всеобщей истории, а математику преподавал Ю. К. Давидов, занявший вскоре кафедру математики в Московском университете. В описываемое время все это были молодые люди, не заеденные рутиной, с юношескою горячностью относившиеся к преподаванию, а потому легко зажигавшие страсть к своим предметам в сердцах тех учеников, в которых таилась искра Божия. Преподавание языков тоже велось такими опытными учеными лингвистами, какими были Клин, Фелькель и Шор, состоявшие одновременно лекторами иностранных языков и в университете. Боткин много обязан пансиону

ну своим прекрасным знанием языков: так, между прочим, не сделавшись «классиком» теперешней формации, он за три года своего пансионского образования усвоил латинский язык настолько хорошо, что мог отлично отвечать тогдашним требованиям к поступающим в университет. Но не одним знанием языков обязан он этой школе; здесь все способствовало тому, чтобы страсть его к сознательному учению не остыла, а пустила, напротив, новые и здоровые корни и его природные дарования развернулись бы без всяких помех в полной своей силе. Сам он в эту пору своего возраста был коренастым мальчиком с совершенно льняными волосами и отличался большой физической силой, за что пользовался особенным почетом среди товарищей; единственным его недостатком было слабое зрение, слабое до того, что он, читая, должен был держать книгу у самого носа, на расстоянии двух-трех дюймов от глаз, и очень рано должен был прибегнуть к очкам; в 60-х годах, когда наука открыла неправильную кривизну роговой оболочки глаз как одну из причин врожденной слабости зрения, оказалось, что Боткин страдал именно этой аномалией. Несмотря на такой тяжелый недостаток, он был чрезвычайно прилежен и считался одним из лучших учеников; в воспитательном же отношении пансион не мог оказывать на него значительного влияния, так как Боткин не жил в нем, а приходил только на классные уроки, но для воспитания его трудно было и желать более подходящей и счастливой обстановки, чем та, какую ему давала

домашняя жизнь, всегда деятельная, трудолюбивая и поощрявшая к умственным занятиям.

Из уроков его больше всего привлекала математика, которая в прекрасном изложении Давидова наиболее соответствовала логическому складу его ума, искавшего уже и тогда в приобретаемых знаниях наибольшей точности и ясности, и любимой его мечтой было посвятить всю жизнь свою занятиям этой наукой. Но судьба решила за него иначе, и когда после трехлетнего пребывания в пансионе Боткин приготовился держать вступительный экзамен в университет, то уже вошло в силу известное постановление императора Николая, имевшее в виду ограничить до минимума число лиц с высшим образованием и по которому в университете был открыт свободный доступ лишь на медицинский факультет, на прочие же факультеты разрешалось принимать только лучших воспитанников казенных гимназий... Вследствие такого ограничения произошло много горьких юношеских разочарований и сломанных, сбитых с пути существований, но относительно Боткина следует только радоваться, что его постигло это «провиденциальное» искажение предположенной им для себя ученой будущности и что он сделался врачом поневоле, *médecin malgré lui*; нет сомнения, что и в математике он прославил бы свое имя и обогатил бы его своею яркой даровитостью, но еще более несомненно то, что в области кабинетной науки он не встретил бы возможности развернуть те гуманные и многообразные практические стороны свое-

го характера, которыми так щедро наградила его природа и которые во врачебной деятельности более чем в какой-либо другой находят самое обширное, повседневное приложение.

Боткин попал в студенты в августе 1850 года, а сдавать выпускные экзамены начал в марте 1855-го, то есть несколько дней спустя после кончины императора Николая. Попечителем Московского университета в эту эпоху был генерал В. И. Назимов, помощником его – В. Н. Муравьев; но с этими двумя административными лицами студенты имели мало соприкосновения; ближайшим же их начальником был инспектор. Почти во время студенчества Боткина место это занимал И. А. Шпейер, бывший морской офицер; он сменил столь памятного в легендах Московского университета П. С. Нахимова, оригинального, но весьма доброго человека, об отеческих отношениях которого к учащейся молодежи долго сохранялась самая теплая и благодарная память среди студентов, особенно казенных, живших в самом здании университета и находившихся поэтому в более тесном общении с инспекцией. Шпейер был назначен, чтобы подтянуть студентов, и весь отдался этой задаче; при нем сугубо внешняя формалистика господствовала во всех мелочах и малейшее нарушение ее каралось весьма строго: так, преследовались длинные волосы, плохо выбритый подбородок, а одним из самых тяжких преступлений считалось выйти на улицу не в треугольной шляпе, а в студенческой фуражке, ношение которой в черте города было строжайше запреще-

но. Между прочим, и Боткину в первый месяц его студенчества пришлось испытать на себе тяжесть дисциплины Шпейера и, столкнувшись с ним во дворе университета, отсидеть целые сутки в карцере за незастегнутые крючки у вицмундирного воротника. Все проступки студентов того времени ограничивались таким несоблюдением внешней формы да нарушением общественного благочиния: курением на улице, появлением в публичном месте в пьяном виде и т. п. Студенты-медики, составлявшие более двух третей числа всех студентов, только в меньшинстве занимались прилежно своим делом, большинство же целый день проводили в трактирах за бильярдной игрой и тратили свой юношеский пыл на безобразные попойки, бывшие тогда в несравненно большем распространении между ними, чем нынче; особенно славились своими кутежами казенные студенты, которые, живя вместе в общежитии, составляли более компактную массу и легче поддавались стихийному увлечению; следствием этих вспышек нередко случались скандальные истории и столкновения или с университетской инспекцией, или с полицией, которые заканчивались высидкой в карцере, а иногда и исключением из университета. Политических брожений среди молодежи в описываемые годы не было никаких. Напомним, в литературе тогда только что стали появляться произведения Тургенева, Гончарова, Григоровича, Дружинина и других писателей зарождавшегося блестящего периода русской словесности, что в Москве 40 лет назад не было даже

ежедневной политической газеты, а только три раза в неделю выходили «Московские ведомости». Общения с Западом не существовало почти вовсе, ни прямого, потому что путешествия по Европе были обставлены большими затруднениями, ни при посредстве западной литературы, ибо и те немногие иностранные книги, которые пропускались цензурой, недоступны были студентам частью из-за своей стоимости, частью из-за плохого знания большинством чужих языков; переводная же литература находилась в самом зачаточном виде. Понятно поэтому, что политический и общественный горизонт так называемой «образованной» молодежи был очень ограничен.

Студент Боткин был истинное дитя воспитывавшей его эпохи и, несмотря на то, что в пору своего студенчества находился в гораздо более счастливых условиях, чем его товарищи, вращаясь в кругу брата Василия, Грановского и других первых представителей тогдашней литературы и прогресса, мог служить поразительным примером полного равнодушия и безучастия ко всему, что не касалось его семейного и личного существования и не имело прямой связи с его медицинскими занятиями. Но зато этим последним он отдался со всей страстью своей даровитой натуры и вскоре сделался на своем курсе лучшим студентом, счастливо соединяя в себе блестящие способности с замечательным трудолюбием и необыкновенной жадой знания. Нельзя сказать, чтобы медицинский факультет университета стоял то-

гда на такой высоте, чтобы вполне удовлетворять запросам юноши и научным требованиям своей эпохи; однако благодаря тому обстоятельству, что в числе профессоров находилось несколько талантливых и преданных науке преподавателей, Боткин обязан университету тем, что он взрастил и укрепил в нем любовь к медицине и помог заложить в себе такой прочный фундамент элементарных занятий, который дал ему возможность впоследствии самообучаться и развиваться дальше. Сам Боткин в речи, произнесенной в обществе русских врачей по поводу 25-летия профессорской деятельности профессора Вирхова и напечатанной в № 31 «Еженедельной клинической газеты» за 1881 год, дал следующую оценку преподавания медицины в Московском университете его времени: «Учившись в...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.